
МУРЗИЛКА
№2
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ
ФЕВРАЛЬ
1962

Этот номер мы посвящаем Аркадию Петровичу Гайдару

ПЕРО И ВИНТОВКА ГАЙДАРА

Лев КАССИЛЬ

Разным людям запоминаются разные цифры. Капиталист никогда не забудет, сколько у него денег в банке. Рабочий гордится цифрой, которая сообщает о том, сколько продукции дала Родине его бригада за день или за месяц. Школьник помнит свои отметки. А вот Аркадий Петрович Гайдар всю жизнь хранил в памяти цифру 302939.

Это был номер боевой винтовки, которую ещё школьником в 1917 году Аркаша Голиков, будущий писатель Гайдар, получил в революционном штабе, чтобы вместе со взрослыми рабочими, большевиками сражаться против врагов революции.

Вскоре он, скрыв свой настоящий возраст, ушёл на фронт воевать за советскую власть. Рослый, широкоплечий, он выглядел намного старше своих лет, и его приняли в ряды Красной Армии. В шестнадцать лет он уже командовал полком.

Много лет прошло с той поры. Аркаша Голиков давно уже стал известным писателем Аркадием Гайдаром. Книги Гайдара печатались сотнями тысяч экземпляров. Но Гайдар всегда твёрдо помнил цифру 302939 — номер, стоявший на боевой винтовке, на самом первом оружии, доверенном ему лично революцией.

Ранение, контузия заставили Аркадия Петровича оставить Красную Армию. Тяжело переживал это Гайдар. Но он решил рассказать о том, как рос, как сражался вместе с отважными героями Красной Армии, всем, как он говорил сам, «новым мальчишкам и девчонкам».

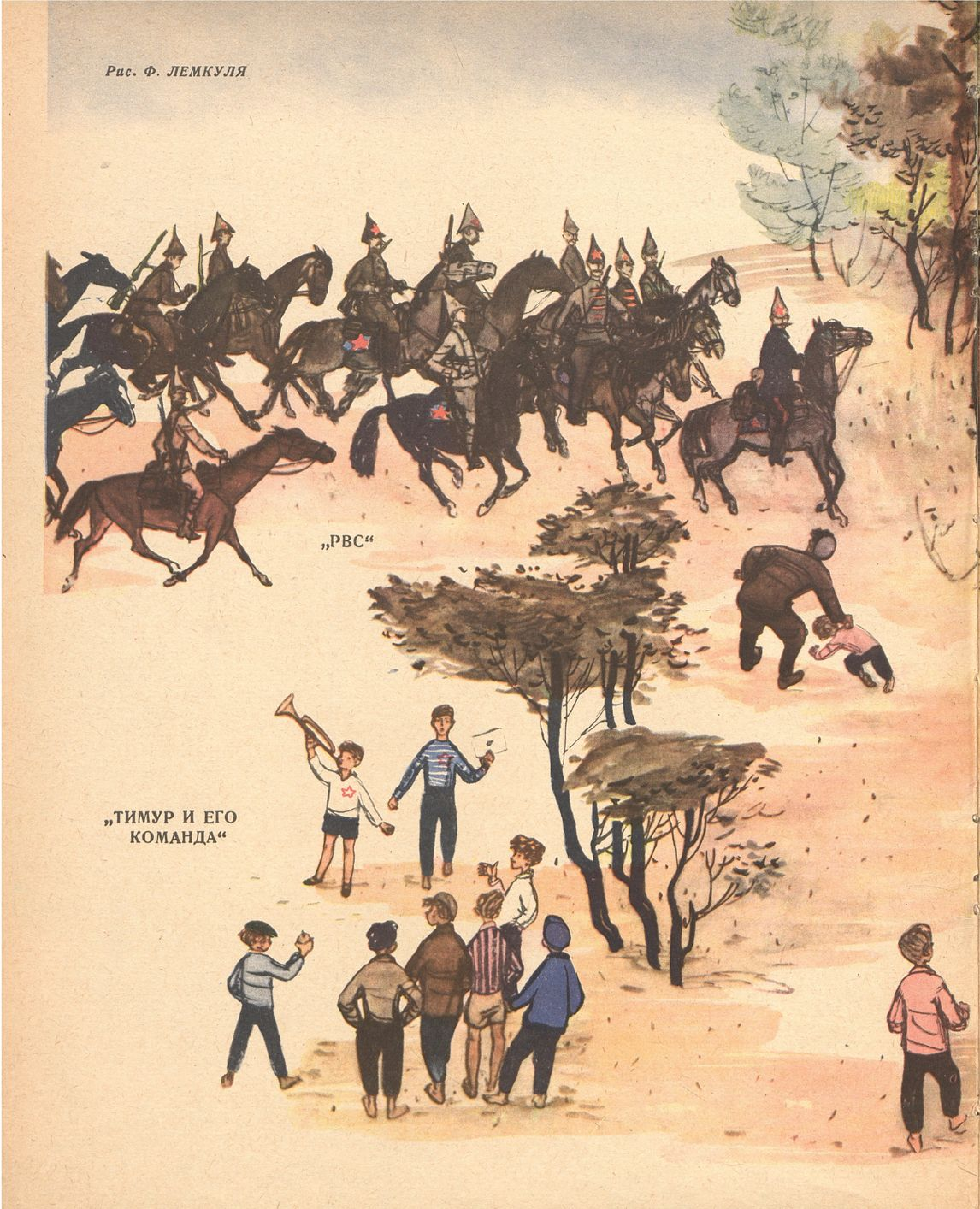
Писатель Аркадий Петрович Гайдар был верен своему красноармейскому, солдатскому долгу, верен делу революции. Он служил этому делу каждой своей строкой. И в чудесном рассказе о годах гражданской войны — «РВС». И в суровой военной «Школе», через которую прошёл сам. И рассказывая о лётчике, потерпевшем аварию в горящем лесу («Дым в лесу»), или о «Судьбе барабанщика», или про «Чука и Гека», или про «Тимура и его команду». Везде он воспевал людей, верных своему долгу, людей храбрых, добрых, полных заботы о Родине, готовых, если надо, взяться за оружие, чтобы защитить Советскую страну и революцию.

Гайдар не был заядлым «воякой», который, чуть что, готов размахивать саблей или палить из винтовки. Он ненавидел тех, кто угрожает мирной жизни военным разбоем. Но Гайдар был до конца своей жизни настоящим воином. И когда пришла тяжёлая пора, когда напали на нас фашисты, Аркадий Петрович Гайдар поступил так, как сделал бы любой из славных героев его книг: он ушёл на фронт.

Писатель погиб в бою смертью героя.

Наверное, давно уже не существует винтовки № 302939. Но Гайдар всю свою жизнь был верен ей. И книги, которые написал Аркадий Гайдар, замечательный человек, талантливейший писатель, храбрый солдат, будут всегда жить и помниться.

Рисунок А. Брея к сказке про Мальчиша-Кибальчиша А. П. Гайдара.

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ
„РВС“
„ТИМУР И ЕГО КОМАНДА“

„ЧУК И ГЕК“
„ШКОЛА“
„ДЫМ В ЛЕСУ“
„СУДЬБА БАРАБАНЩИКА“
„ВОЕННАЯ ТАЙНА“

СТАРЫЕ ВОЛШЕБНИКИ

НОВЫЕ ВОЛШЕБНИКИ

СТИХИ О ХРАБРОМ ВОЛШЕБНИКЕ

Я. АКИМ

Рис. М. МЕЖЕНИНОВА

Не те, что являются
Издавна в сказках,
Не бабка с клюкою,
Не джинн с бородой —
То были волшебники
В шлемах и касках
С красноармейской
Горячей звездой.

...Вот скачет волшебник,
Совсем молодой.

Глядите, он мчится без страха
Под белогвардейским огнём.
С лучистой звездою папаха —
Волшебная шапка на нём.

Ему и семнадцать едва ли,
Но сабельный крепок удар.
Волшебника храброго звали
Аркадий Петрович Гайдар.

Победа!
Последний окончился бой...
Звёздочку с фронта
Увёз он с собой.

***

Шли годы. Кипучие годы.
Отстроилась наша страна.
И вдруг услыхали народы
Жестокое слово: война!

Гремят орудийные громы,
На фронт уезжают бойцы.
Попробуй управиться дома:
И братья ушли и отцы...

Все мамы по горло в заботах,
И бабушки стонут: беда!
...Но вот на дверях, на воротах
Зажглась боевая звезда.

Водой наполнялись
Порожние кадки,
Кто-то невидимый
Вскапывал грядки,
Цветы приносились,
Косилась трава,
Сами собою
Пилились дрова.

Вздохнули солдатские семьи,
А бабушки рады вдвойне.
...Тимуровцев славное племя
Пришло на подмогу стране.

Им храбрый волшебник и воин
Волшебную звёздочку дал.
Он едет на фронт. Он спокоен,
Писатель Аркадий Гайдар.

* * *

Не до́жил Гайдар до победы,
Погиб за родную страну.
Не видел он наши ракеты
И вспаханную целину.

Знамёна склоняют дружины
Над памятью друга-бойца.
Мы знаем: тимуровцы живы
И клятве верны до конца!

Кто движется к новому веку,
О людях заботиться рад —
У нас человек человеку
Не враг, а товарищ и брат.

Он в книгах своих
Коммуни́зм угадал,
Писатель-волшебник
Аркадий Гайдар.

ДРУГ, ДОСТАЮЩИЙ ЗВЁЗДЫ С НЕБА

Николай БОГДАНОВ *Рис. А. ЕЛИСЕЕВА, М. СКОБЕЛЕВА*

Стоял жаркий, солнечный денёк. Наши пионеры затеяли удалую игру — ныряли в речку и сидели под водой, кто кого пересидит.

Один только Игорёк держался в сторонке. Был он узкоплеч, слабосилен и в таких играх участвовать побаивался.

Увлёкшись игрой, мы не заметили, как к нам подошёл какой-то прохожий. В военной гимнастёрке и в галифе, с полевой сумкой через плечо, он шёл с непокрытой головой, сжимая в руке шапку-кубанку, и, поглядывая вокруг, улыбался.

Заметил Игорька, сидевшего в сторонке. Подошёл и спросил без предисловий, как старый знакомый:

— А ты чего же скучаешь?

Игорёк только пожал своими худыми плечиками: мол, где же мне, не надеюсь на победу в такой игре.

Прохожий нахмурился:

— А хочешь, я сообщу тебе одну тайну, и ты всех победишь?

Ну кто же не захочет узнать такую тайну! Игорёк с прохожим зашли в кусты, о чём-то пошептались. И вдруг выходит наш «пионерчик» и заявляет:

— А ну, давайте, я всех перенырну.

Ребята засмеялись — задору много, да силы мало. Особенно смешно было таким здоровякам, как Шариков и Котов. Набрали они побольше воздуха, нырнули поглубже и сидят под водой. Упорно сидят. Пузыри пускают. Но долго на дне не просидишь. Стали показываться один за другим. Самые упорные вылезли с синими губами, как у утопленников.

А Игорька всё нет.

Меня уже страх взял: не нырнул ли совсем «пионерчик»? Но прохожий делает знаки, чтобы я не волновался. И вот, когда уже прошли все сроки, появился Игорёк. Он сидел недалеко от берега, вблизи тростников. Выскочил из воды и как ни в чём не бывало посмеивается...

Что за чудеса! Никогда бы мы не догадались, как это ему удалось сделать, если бы мимо по течению не проплыла длинная круглая камышинка.

Так вот оно что! Прохожий доверил «пионерчику» старинную тайну запорожцев. Когда-то казаки, скрываясь в плавнях, подкрадываясь к врагу и прячась от него, применяли этот способ. Срежут полый трубчатый стебель куги, возьмут его в рот, нырнут в воду и затаятся. И дышать можно, и самого не видно...

Нелегко это сделать. По первому разу воды наглотаешься. Нужно так нежно и плотно держать губами стебель, чтоб и его не сдавить и воду не пропустить в рот.

Многие ребята пробовали, но не у всех вышло. А Игорёк наш с тех пор так в себе уверился, так расхрабрился, что во все игры не боялся вступать. Вот как подействовал на него прохожий.

Кем же он оказался — этот человек в военной форме, с полевой сумкой на плече?

Оказывается, он написал книгу для ребят и хочет почитать её у пионерского костра.

* * *

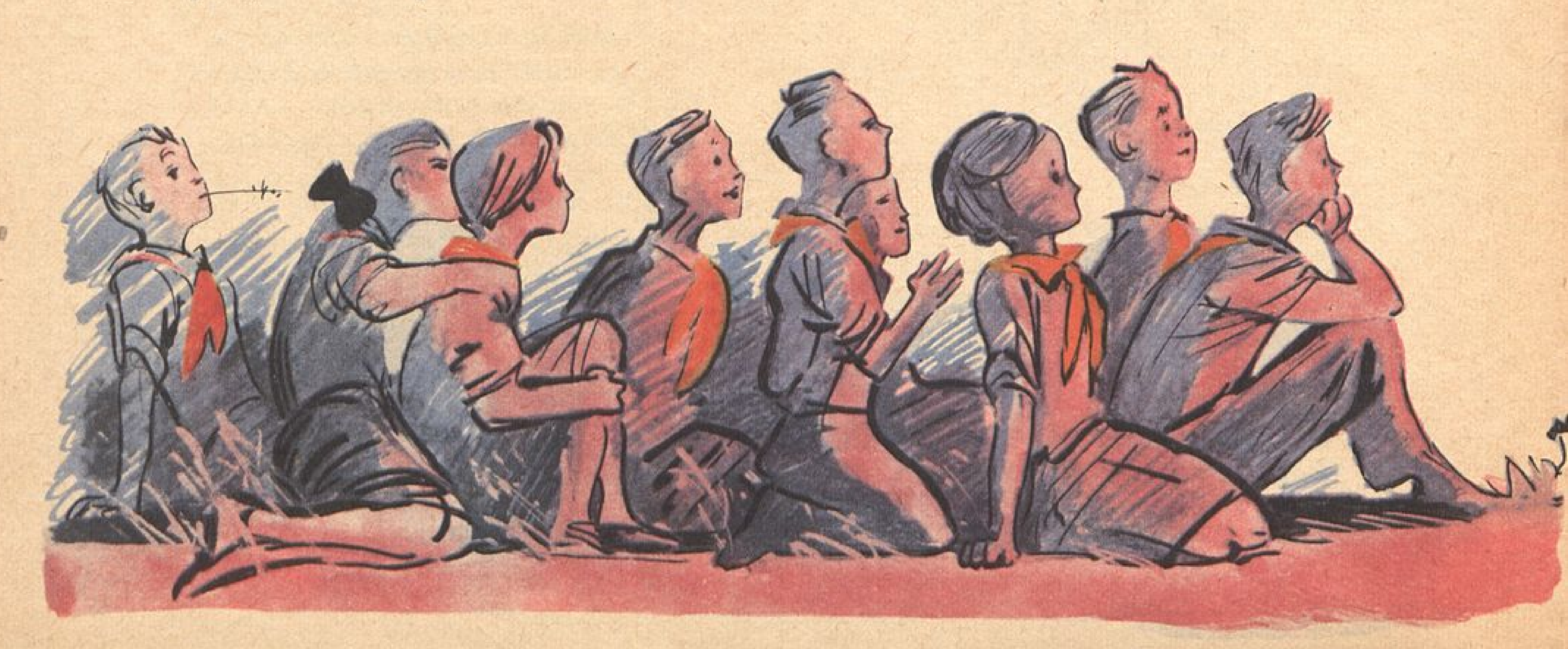
В этот же вечер набрали кучу дров, расположились полукругом. Нашего гостя усадили на пенёк. И зажгли костёр.

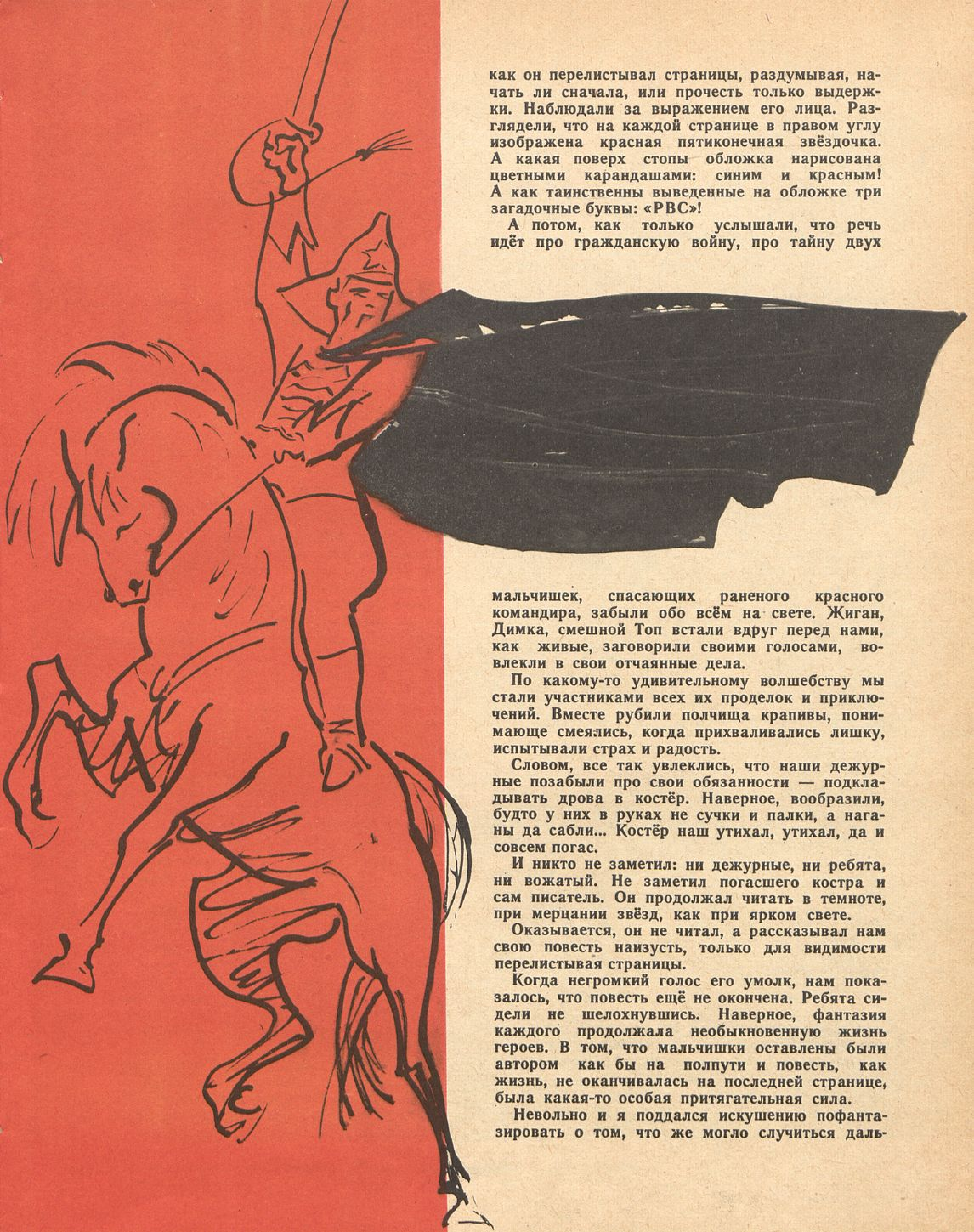
С любопытством все наблюдали, как наш гость открыл военную полевую сумку, достал из неё стопу бумаги — рукопись! Он расправил её на колене, как военную карту.

Перед нами — писатель. Даже не верится. Ребята почему-то представляли себе писателей в виде старцев, с бородами, как у Льва Толстого.

И вдруг вот этот весёлый, безбородый, круглолицый товарищеский парень — тоже писатель.

Сначала все с любопытством посматривали,

как он перелистывал страницы, раздумывая, начать ли сначала, или прочесть только выдержки. Наблюдали за выражением его лица. Разглядели, что на каждой странице в правом углу изображена красная пятиконечная звёздочка. А какая поверх стопы обложка нарисована цветными карандашами: синим и красным! А как таинственны выведенные на обложке три загадочные буквы: «РВС»!

А потом, как только услышали, что речь идёт про гражданскую войну, про тайну двух мальчишек, спасающих раненого красного командира, забыли обо всём на свете. Жиган, Димка, смешной Топ встали вдруг перед нами, как живые, заговорили своими голосами, вовлекли в свои отчаянные дела.

По какому-то удивительному волшебству мы стали участниками всех их проделок и приключений. Вместе рубили полчища крапивы, понимающе смеялись, когда прихваливались лишку, испытывали страх и радость.

Словом, все так увлеклись, что наши дежурные позабыли про свои обязанности — подкладывать дрова в костёр. Наверное, вообразили, будто у них в руках не сучки и палки, а наганы да сабли... Костёр наш утихал, утихал, да и совсем погас.

И никто не заметил: ни дежурные, ни ребята, ни вожатый. Не заметил погасшего костра и сам писатель. Он продолжал читать в темноте, при мерцании звёзд, как при ярком свете.

Оказывается, он не читал, а рассказывал нам свою повесть наизусть, только для видимости перелистывая страницы.

Когда негромкий голос его умолк, нам показалось, что повесть ещё не окончена. Ребята сидели не шелохнувшись. Наверное, фантазия каждого продолжала необыкновенную жизнь героев. В том, что мальчишки оставлены были автором как бы на полпути и повесть, как жизнь, не оканчивалась на последней странице, была какая-то особая притягательная сила.

Невольно и я поддался искушению пофантазировать о том, что же могло случиться даль-

ше с Жиганом и Димкой на путях и дорогах гражданской войны.

Когда я очнулся, над нами ярко сверкали звёзды, а в костре остыл даже пепел.

— Ребята, — сказал вдруг наш гость, — а вы умеете отличать Полярную звезду?

Умели, да не все. И он стал учить, как находить её по ковшу Большой Медведицы.

С опушки Коломенского парка она видна была в высоком небе над Москвой.

— Это замечательная звезда. Она всегда указывает север. По ней можно правильно определить свой путь. По ней мы, бывало, в военных походах ходили и никогда не сбивались. Самая верная звезда на свете!

Посмотрели ребята на Полярную звезду, и она показалась им лучше всех, какой-то своей.

Так этот необыкновенный человек взял и приблизил к нам звезду.

Мнения о книге он спрашивать не стал. Ему и так было всё ясно. Возможно, в эту памятную ночь он и увидел в лице пионеров неисчислимые легионы своих верных, благодарных читателей, для которых призван писать.

— Вот так и жили ребята тогда, когда я был красным командиром, — сказал он, пряча рукопись в полевую сумку. — А как живёте вы, люди?

Ребята наперебой стали рассказывать о нашей лагерной жизни, полной интересных забот и приключений, о наших друзьях и врагах. О том, как мы помогаем беднякам бороться против кулаков. О том, как работаем в артели огородников и зарабатываем свой трудовой хлеб — плетём корзины из прибрежного ивняка.

— Значит, я не туда попал, братцы! — воскликнул писатель. — Я шёл в какой-то необыкновенный лагерь, где пионеры живут, как при коммунизме, без всякой нужды и заботы. А тут за буханку хлеба изволь плести корзинку!

И он рассмеялся до слёз.

— Что же тут смешного? — обиделся я.

— Я смеюсь не над вами, а над чудаками, которые представляют себе коммунизм таким же лёгким делом, как мы в гражданскую войну — мировую революцию. Помню, у нас на митинге красные бойцы даже резолюцию вынесли: «Покончить с мировым капиталом в текущем, 1920 году». Да и я примерно так думал, когда махал саблей и рубился за мировую коммунию... А вот когда «в разум взошёл», как говорится, понял, что путь наш долог и труден и много ещё на этом пути поляжет красных бойцов.

Вы правильно живёте. В труде и борьбе закаляется человек.

* * *

В самодеятельном лагере нашему гостю так понравилось, что он забыл о Москве, о делах и включился в нашу жизнь, как в необыкновенную игру, в которую ребята, как равного, приняли взрослого человека.

Его увлекало всё пионерское. Он был в восторге, узнавая от ребят, что наши галстуки — это не просто повязки, а кусочки красного знамени! Что три конца галстука означают дружбу трёх поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров. Что горн пионерский — это не просто труба для подачи сигналов: горн зовёт нас вперёд, к борьбе за свободу и счастье. И барабан пионерский — это не просто барабан: он гремит, созывая ребят для дружбы, для общего дела. Он пробуждает спящих, прогоняет лень и скуку. Бьёт тревогу, заметив опасность.

— Это здорово! — говорил он. — Это хорошо! — Тут же добавлял своё: — А знаете, ребята, неплохо было бы иметь такие символы, тайну которых знают не все. А только мы с вами.

— Вот, например, зерно могучего дуба, — говорил наш новый друг, держа на ладони жёлудь. — Дуб — священное дерево наших предков славян, символ силы и единения. Какое звено возьмёт его себе?

— «Спартак»! «Спартак»! В этом звене Котов, он самый сильный.

— А вот орех, символ твёрдости... Русские могучую крепость однажды назвали «Орешек»... Попробуй разгрызи его — сломаешь, враг, зубы... Мал, да хитёр орешек...

— Пусть его возьмёт звено Либкнехта, там Игорёк, мал, да удал!

— А вот вишнёвая косточка с припаянной ножкой. Вначале был белый цветок, затем вкусный красный плод, теперь это зерно, из которого подымется новая вишня...

Символ вишни был не совсем понятен, но его охотно приняло девичье звено «Красная Роза», названное в честь Розы Люксембург, пламенной революционерки.

— Чем хороши такие символы? Не надо тратить лишних слов, объяснять, кто ты такой и за что стоишь. Показал орех — и свои знают про тебя всё! А кому не нужно знать — тот пусть и не знает. — И он спрятал орех в карман Игорька.

— Как же могут ребята жить без игры в войну? — сказал он мне. — Эх, вожатый-вожатый! Если нет беляков, рубайте крапиву. И пусть позеленеют деревянные сабли!

Крапивы в старом парке была великая сила.

И однажды он затеял с ребятами такое крапивное побоище, что из парка доносились до меня пугающие вопли.

— Зачем же так громко кричать-то? — спросил я.

— А это обязательно — на страх врагам, на радость себе. И, кроме того, очень грудную клетку расширяет.

Он был потен, весь в паутине и смоле. Это он показывал ребятам, как ползать по-пластунски, скрытно подходить к противнику и быстро «сматываться».

Стоит ли и говорить, как влюбились в него ребята. Жизнь в лагере пошла веселей.

Кто же был этот необыкновенный человек?

Теперь его все ребята знают — это был Аркадий Гайдар.

Рисунок А. Ермолаева к повести „Тимур и его команда“ А. П. Гайдара

Виталий КОРЖИКОВ
Рис. А. БРЕЯ

Всё это было давно, но помню я всё очень хорошо. Жили мы с матерью в зимней Москве. Отца с нами не было. Я всё время донимал мать вопросами: «Когда же он приедет?» А мать приносила каждое утро свежие, пахнущие морозом газеты и, стряхнув с них снежинки, говорила о пятилетке, показывала мне фотоснимки громадных башен, труб. Я всё старался разглядеть на них отца, который где-то там, далеко, у синих гор, в Уральской степи, строил город Магнитогорск. И вдруг мы получили телеграмму, собрали вещи и отправились к отцу.

Вагон весело покачивался и что-то тараторил, будто бежал, перескакивая с ноги на ногу. По мшистому заиндевелому окну расплывались золотые блики утреннего солнца, и всё в коридоре сияло бодрым морозным светом.

Взрослые дяди, стоя у окошек, говорили о Магнитке, о гражданской войне. И один из них, высокий, сильный, был в военной форме. Был он похож на отца и ехал, конечно, тоже в Магнитогорск, потому что без сильных людей город с такими трубами и домнами никто бы не построил. Иногда он припадал лбом к стеклу и, повернувшись ко мне, весело подмигивал:

— Ну, как дела?

А дела шли хорошо. Я забрался на сиденье, продышал на окошке глазок и смотрел, как там взмахивали пушистыми тяжёлыми от снега ветвями громадные ёлки.

А то где-нибудь на дороге, очутившейся рядом с линией, появлялась заиндевелая мохнатая лошадёнка, за ней летели розвальни, а красный от мороза кучер, привстав, сдвинув набок шапку, подскакивал в санях, лихо размахивая вожжами, подгонял лошадь, будто старался обскакать поезд.

Военный, прижавшись к окну, кажется, старался весело подзадорить кучера, я тоже азартно прижимался к холодному стеклу лбом. От лошади и от кучера валил пар, розвальни летели изо всех сил, разбрасывая по бокам веера снега, но поезд победоносно отрывался, набирал темп и, наконец, выдыхая клубы пара, останавливался у какой-нибудь станции.

Военный выскакивал на перрон, загребая пальцами снег, лепил снежки и появлялся, тяжело оббивая сапоги от налипшего снега. Широкое лицо его горело, а глаза радостно поблёскивали:

— Хорош морозец!

А потом солнце село. Исчезли во тьме ёлки. И опустел коридор. Мать — строгий человек, и если она сказала, что надо спать, то надо было спать.

Мать легла с краю полки, а я, чтобы не упасть во сне, забрался к стенке, прижался к матери и уснул. Но так как юному человеку ночью иногда бывает нужно встать, я проснулся, перелез через мать и, сунув ноги в валенки, вышел в коридор.

Песня у вагона была уже другая — серьёзная, деловитая. Ночью на таком морозе не до шуток! Поторапливайся! Глазок мой на окне зарос инеем, и по всему окну разливался лунный холодный свет! Морозно скрипели оси.

Коридор был пустым и угрюмым, шаги — тревожными.

Я стал возвращаться, и в это время за спиной кто-то крикнул:

— Что это здесь всякая мелюзга шатается?

Я рванулся к первой попавшейся двери, дёрнул её на себя и забрался в купе, полез на полку к матери. Мать не подвигалась. Я толкнул её. И вдруг из темноты угла ко мне приблизилось незнакомое усатое лицо.

Я заорал изо всех сил и бросился к двери, но дверь захлопнулась. Я завопил ещё громче и уставился на синюю лампу, горевшую под потолком.

Тогда с верхней полки свесились ноги в галифе и в белых шерстяных носках, и человек в военной форме, приподнимаясь, взглянул на меня и серьёзно и мрачно произнёс:

И снится человеку сон,
Как будто в лес приходит он...

Я съёжился, прижался спиной к двери и стал изо всех сил толкать её. Громче затарахтел вагон. Всё стало ещё синее.

Военный повис на руках, мягко спрыгнул на пол и, поблёскивая синим лбом, по-доброму ухмыльнулся. Он повернулся к столу, взял с него апельсин и сказал, что завтра откупит. Но усач засмеялся и стал отчаянно отмахиваться руками.

От синего света апельсин казался зелёным...

Я собрался спрятать руки за спину, но военный твёрдо вложил мне в одну пятерню апельсин, а за другую взял меня.

Апельсин был холодный, шершавый, а рука широкая, тёплая и спокойная.

Потом он пропустил меня вперёд, заслонил могучей спиной чужое хмурое купе и, захлопнув его, повёл меня по коридору.

Ступал человек мягко и легко, и вместе с ним стал легко и мягко покачиваться вагон. Лампы светили спокойно и уютно... Возле нашего купе он остановился и, глядя, как я утираю кулаком всё ещё набегающие слёзы, снова с доброй усмешкой произнёс:

И снится человеку сон...

Он открыл дверь, подтолкнул меня прямо к полке, где спала мать, где было тихо и тепло, а песня колёс опять казалась доброй и радостной...

На следующий день за окнами задымили трубы, в коридоре все засуетились, стали перебираться с вещами к выходу, и только мы с матерью стояли у купе со своими тяжёлыми чемоданами.

И опять к нам подошёл человек в военном, подхватил чемоданы и пошёл к выходу. Там с подножки он кому-то знакомо замахал, заулыбался, спрыгнув, пожал руку, и я увидел отца. Был он тоже в военном — ещё с гражданской. Он подхватил меня, прижал к холодной гладкой щеке и скоро рядом с матерью зашагал к маленькому фыркавшему автомобилю.

Я оглянулся, чтобы разглядеть ещё нашего военного, но на пустеющем перроне уже мелькали спины незнакомых людей и быстро кружились лёгкие снежинки...

А через много лет я читал про то, как далеко-далеко, у синих гор жил человек. И как ехали к нему два сына с мамой. Одному из них, Геку, захотелось ночью выйти, а в коридоре с ним произошло страшное приключение, удивительно похожее на моё. Было там мрачное чужое купе, был человек с усами и апельсин, который казался зелёным от синего света. И стихи в рассказе начинались словами, очень похожими на те, которые сказал мне человек в военном.

А с первой страницы этой чудесной книги весело и добро улыбался человек, написавший её и удивительно похожий на того, который выручил меня из беды в одну страшную ночь по дороге из Москвы в Магнитогорск. Был он тоже в военной гимнастёрке и, кажется, подмигивал:

— Ну, вот и встретились.

Прочитал я книгу и подумал: «А вдруг написано в этой книге и про меня?..»

Эти стихи можно не только прочесть. Их можно превратить в маленький спектакль, в котором примут участие и чтецы, и певцы, и танцоры.

...Тише, в зале погас свет. Наш спектакль начинается.

Слышите — звучит музыка! Это вступление. Оно похоже на сигнал походной трубы. Ему вторят барабаны, выбивая «марш-поход». А затем негромко зазвучала мелодия марша.

Первую строфу не надо петь. Лучше всего её прочесть под музыку. А потом уже хор подхватит задорный припев:

Бывало, подымется
В самую рань:
— Эгей, барабанщик,
Побудку играй!..

Хорошо под такой марш шагать в поход, пылить по родному просёлку. Это шагают друзья Аркадия Гайдара. Это им он доверял военные тайны. Для них открывал дальние страны. Это его сказку о храбром Мальчише-Кибальчише слушают они, сидя вокруг костра.

Но вот опять зазвучала труба. Тревожен её зов. Тревожен гром барабанов. Суров и голос чтеца, рассказывающего о памятном сорок первом, военном годе. «Враги обступили наш солнечный край». Мы готовы к бою. Мы надели солдатские пилотки и взмахнули острыми шашками. В боевой поход позвал нас за собою Аркадий Гайдар.

Мы знаем: со славой
Окончится бой... —

поют солдаты, уходя на войну.

Но музыка стихает. Что случилось? На берегу бушующего Днепра погиб в бою Аркадий Гайдар.

В суровой тишине поведал нам об этом боец-пехотинец. Вышел боец из окружения. Белым бинтом повязана его голова. Но не выронил он винтовки. И вынес он из огня походную сумку на жёлтом ремне — сумку Аркадия Гайдара.

Да, мы бережём эту походную сумку. Ведь в ней книги Гайдара. Вот они. Мы их знаем! Мы их читали!.. «Чук и Гек», «Голубая чашка», «Дальние страны», «Военная тайна»... Высоко над головами поднимают их ребята — читатели Гайдара, друзья Гайдара.

И снова гремит барабан. Снова поёт труба. Победу и славу поёт труба. Советский народ победил. Становится всё краше наша Родина. Ярко алеют флажки у нас в руках. Ярко пестреют цветы. Счастливой жизнью живёт наша страна!

Памяти А. Гайдара

СУДЬБА БАРАБАНЩИКА

Н. САКОНСКАЯ

Году в сорок первом и раньше,
Короче сказать — до войны,
Весёлый шагал барабанщик
Дорогами нашей страны.
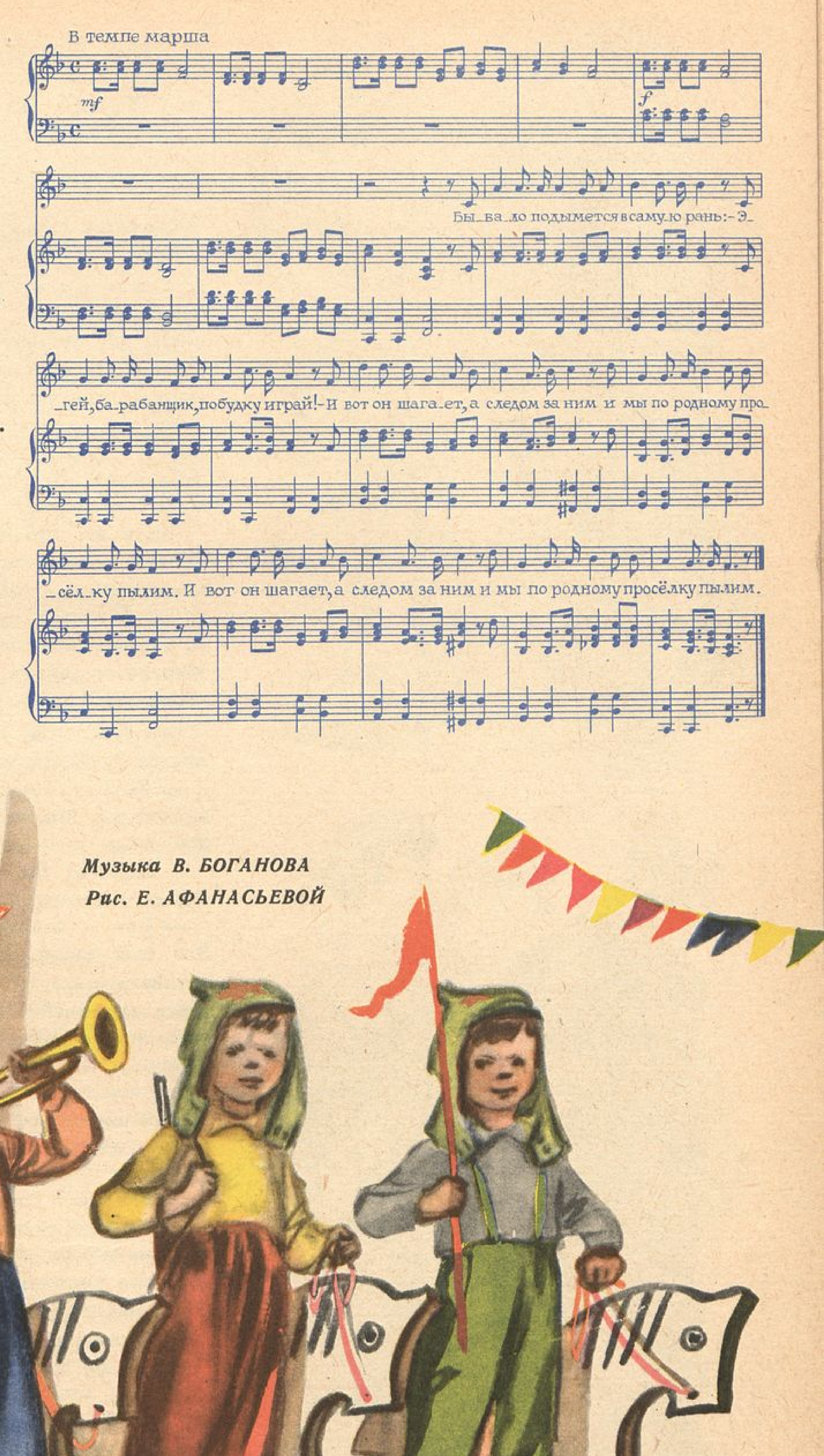
Бывало, подымется
В самую рань:
— Эгей, барабанщик,
Побудку играй! —
И вот он шагает,
А следом за ним
И мы по родному
Просёлку пылим.
Ветрами провеян,
Дождями крещён —
Таким навсегда
Мне запомнился он.

Он дальние страны для нас открывал,
Военные тайны он нам доверял,
О горных вершинах он песню любил,
И нас эту песню он петь научил.
Но чаще всего вспоминается мне
Походная сумка на жёлтом ремне.
В той сумке хранил он всегда про запас
То песню, то сказку, то просто рассказ.

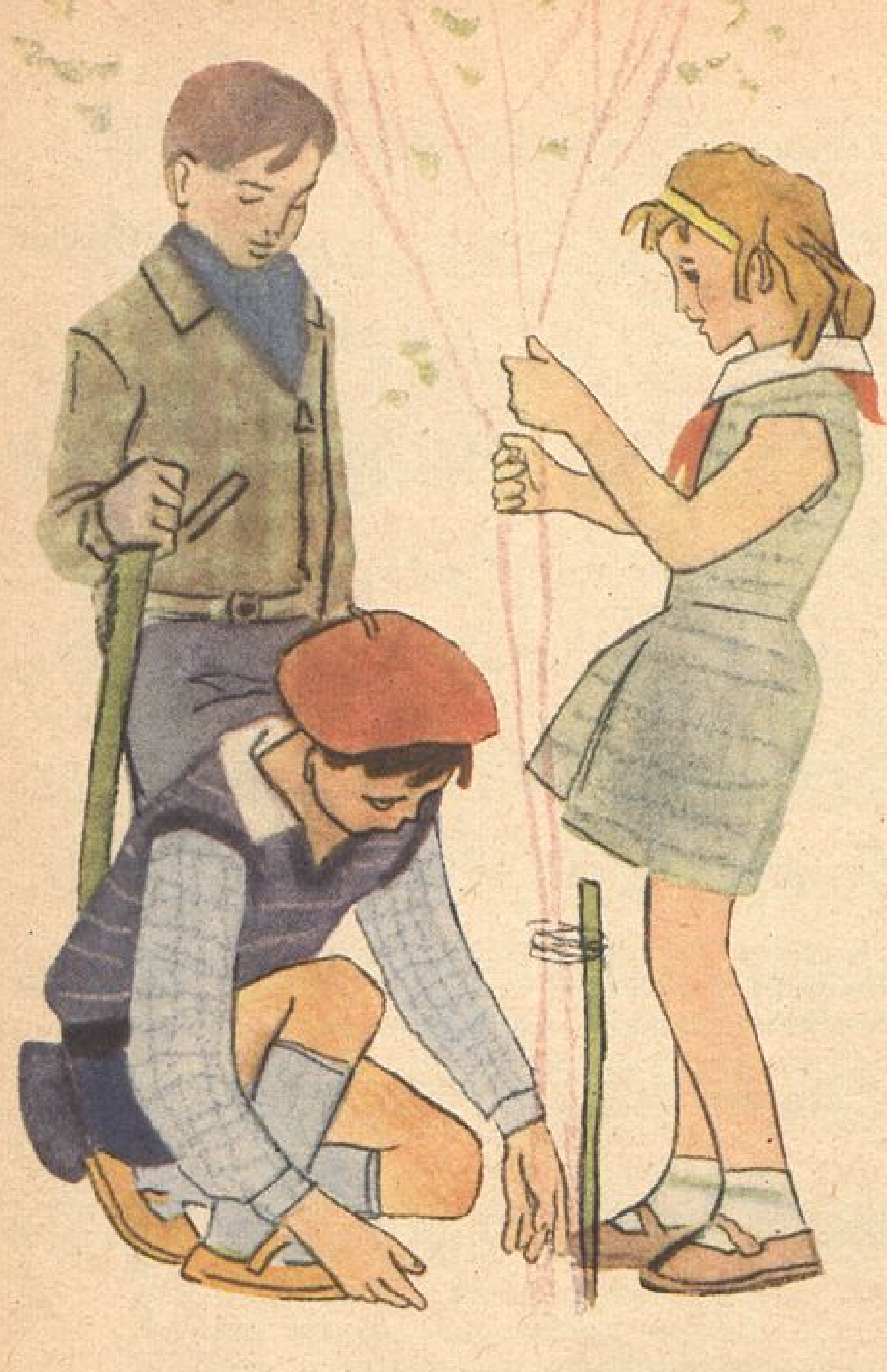
И вот наступил сорок первый,
Военный, всем памятный год.
И двинул в поход беспримерный
Свои эшелоны народ.
Враги обступили
Наш солнечный край.
— Эгей, барабанщик,
Тревогу играй!
Мы знаем: со славой
Окончится бой,
И лучшая сказка
Ещё за тобой.

Есть городок небольшой на Днепре,
Его за версту разглядишь на горе.
Как будто гусей белоснежных
стада,
Опрятные хатки в вишнёвых садах.
Вот там-то бесстрашно,
в коротком бою,
Он встретил судьбу боевую свою.
Был вражеской пулей убит наповал,
И Днепр в эту ночь близ него
бушевал.
Но чудом тогда уцелела в огне
Походная сумка на жёлтом ремне.
И мы эту сумку с тех пор бережём,
Как светлую, чистую память о нём...

Ты спишь, барабанщик,
И сон твой глубок,
Но если бы снова
Проснуться ты мог,
Своими б глазами
Увидел тогда,
Что нивы шумят,
И встают города,
И неба родного
Чиста синева,
И песня не смолкла,
И сказка жива.

Музыка В. БОГАНОВА
Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

КАК ВАШ ГАЙДАР СТАЛ НАШИМ ГАЙДАРОМ

Олдржих КРЫШТОФЕК *Рис. В. ПЕРЦОВА*

Писателя Гайдара знают и любят все ребята в нашей стране.

Первая книга Гайдара вышла в Чехословакии ещё до войны. Это была «Военная тайна». Выпустили её коммунисты для пролетарских ребят. Маленькие чехи и словаки читали про Мальчиша-Кибальчиша и готовились к борьбе против угнетателей своей родины.

Но вот окончилась война. Нашей страной стал править народ. И первой советской книгой, которую издали в освобождённой Праге, была книга Аркадия Гайдара «Тимур и его команда».

Книгу эту принёс в издательство офицер Ян Мареш. Теперь он стал писателем. А в войну Ян Мареш служил в чехословацком корпусе, который сражался вместе с советскими войсками против фашистов. Он добрался до самого Берлина. Многое ему пришлось пережить и перетерпеть. Многое он увидел, многое узнал. Узнал и полюбил на всю жизнь весёлые и мужественные книги Аркадия Гайдара.

Как только Ян Мареш вернулся в Прагу, он сразу же пошёл в издательство.

— Книгу о Тимуре надо издать в первую очередь. Это именно то, что сейчас нужно чешским ребятам, — сказал он.

— Хорошо бы Гайдара пригласить к нам в гости, — сказал один из товарищей.

— Нет, — ответил Ян Мареш. — Гайдар погиб на войне. Это был такой человек, который шёл туда, где всего труднее.

Все замолчали. Жалко было всем Гайдара. И все снова вспомнили о войне и о том, сколько замечательных людей осталось на полях сражений. И сколько пришлось перенести мук, чтобы добиться победы.

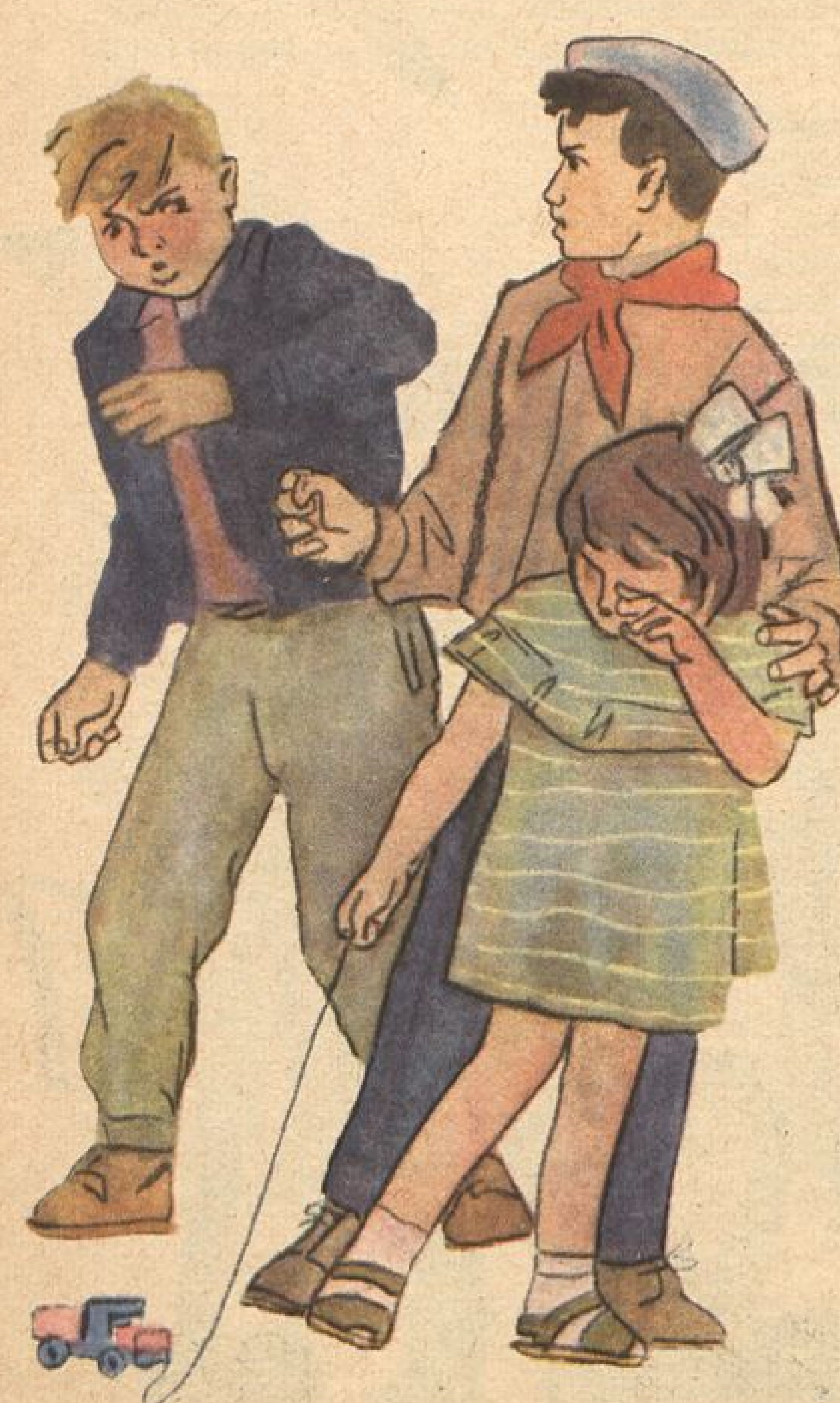
— Я видел на стене полуразрушенного рейхстага надпись: «Гайдар погиб, но тимуровцы в Берлине», — сказал Мареш.

Спустя год в Праге, в детском театре, уже подготовили постановку «Тимура». Потом зрители увидели фильм по повести Гайдара «Чук и Гек». А теперь в Чехословакии изданы все рассказы и повести Гайдара.

Эти книги есть и в школьных, и в городских, и в сельских библиотеках, и, конечно, дома у ребят.

Ребята не только читают Гайдара, они следуют за его героями.

У нас много тимуровцев. О них можно рассказывать часами. Недалеко от Праги есть город Прибрам. Это город шахтёров. Здесь в новом районе стоит красивая новая

школа. Тимуровцы из этой школы защищали маленьких ребят от забияк, от озорников, шефствовали над новостройками, очищали площадки около новых домов от мусора, делали скамейки для пенсионеров, сажали деревья.

В одной деревне у словацкой столицы Братиславы жили пять девочек: Любица, Дарина, Мария, Эва, Ольга. Они создали тайный тимуровский штаб, и потом в этой деревне в течение двух лет происходили необыкновенные события.

Однажды пограничник на повозке, запряжённой двумя лошадьми, возвращался на заставу. И вдруг видит, на сиденье лежит записка. Развернул, прочёл: «Пионеры-тимуровцы просят вас приехать сегодня вечером на повозке к скале на дороге и ждать там. Пароль «Тимур-пионер».

Пограничники, известно, народ осторожный. Да потом по военной дисциплине не полагается отправляться на тайные свидания без разрешения начальника. Явился солдат к офицеру и протянул ему записку. Офицер прочитал записку, помолчал. Потом улыбнулся и сказал:

— Разрешаю!

У скалы солдата поджидали ребята.

Солдат знал, что тайна есть тайна. Он подошёл и негромко сказал:

— Тимур-пионер!

— Тимур-пионер, — тихо ответили ему ребята.

Потом они подошли к нему поближе, и он увидел, что это были девочки. Они с помощью солдата быстро нагрузили на повозку песок и отвезли его во двор детского сада. Оставили записку: «Для самых маленьких от тимуровцев».

В том же детском саду, в сундуке, хранились сломанные игрушки. На один день эти игрушки пропали, но потом снова появились, только уже целые.

Пионеры пятого класса по приказу тимуровского штаба навели порядок в саду детского сада.

Таких дел и таких приказов было очень много.

Никто не знал членов штаба тимуровских команд, но все деревенские ребята выполняли их приказы. Но потом штаб раскрыл свою тайну.

А скоро члены штаба тимуровской команды приехали в Ланы, на встречу лучших пионеров с представителями партии и правительства, с президентом товарищем Новотным. Там они рассказали про свои дела и узнали, что во многих городах и сёлах Чехословакии действуют тимуровские команды.

Теперь вы понимаете, почему я называю Гайдара «нашим Гайдаром». Потому что Гайдар помог нашим ребятам ещё больше полюбить свободу и родину и помог им понять «огромную счастливую землю, которая называется Советский Союз».

А на пионерском слёте в Лане Любицу, Дарину, Марию, Эву и Ольгу сфотографировали перед Красным знаменем пионерской организации Чехословацкого союза молодёжи. Это у нас самая большая пионерская награда.

Перевод с чешского

ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ

Рис. О. КОРОВИНА

Жил на селе одинокий старик. Был он слаб, плёл корзины, подшивал валенки, сторожил от мальчишек колхозный сад и тем зарабатывал свой хлеб.

Он пришёл на село давно, издалека, но люди сразу поняли, что этот человек немало хватил горя.

Был он хром, не по годам сед. От щеки его через губы пролёг кривой рваный шрам. И поэтому, даже когда он улыбался, лицо его казалось печальным и суровым.

Однажды мальчик Ивашка Кудряшкин полез в колхозный сад, чтобы набрать там яблок и тайно насытиться ими до отвала. Но, зацепив штаниной за гвоздь ограды, он свалился в колючий крыжовник, оцарапался, взвыл и тут же был сторожем схвачен.

Конечно, старик мог бы стегануть Ивашку крапивой или, что ещё хуже, отвести его в школу и рассказать там, как было дело.

Но старик сжалился над Ивашкой. Руки у Ивашки были в ссадинах, позади, как овечий хвост, висел клок от штанины, а по красным щекам текли слёзы.

Молча вывел старик через калитку и отпустил перепуганного Ивашку восвояси, так и не дав ему ни одного тычка и даже не сказав вдогонку ни одного слова.

От стыда и горя Ивашка забрёл в лес, заблудился и попал на болото. Наконец он устал. Опустился на торчащий из мха голубой камень, но тотчас же с воплем подскочил, так как ему показалось, что он сел на лесную пчелу и она его через дыру штанов больно ужалила.

Однако никакой пчелы на камне не было. Этот камень был как уголь горячий, и на плоской поверхности его проступали закрытые глиной буквы.

Ясно, что камень был волшебный, — это Ивашка смекнул сразу! Он сбросил башмак и торопливо начал обивать каблуком с надписей глину.

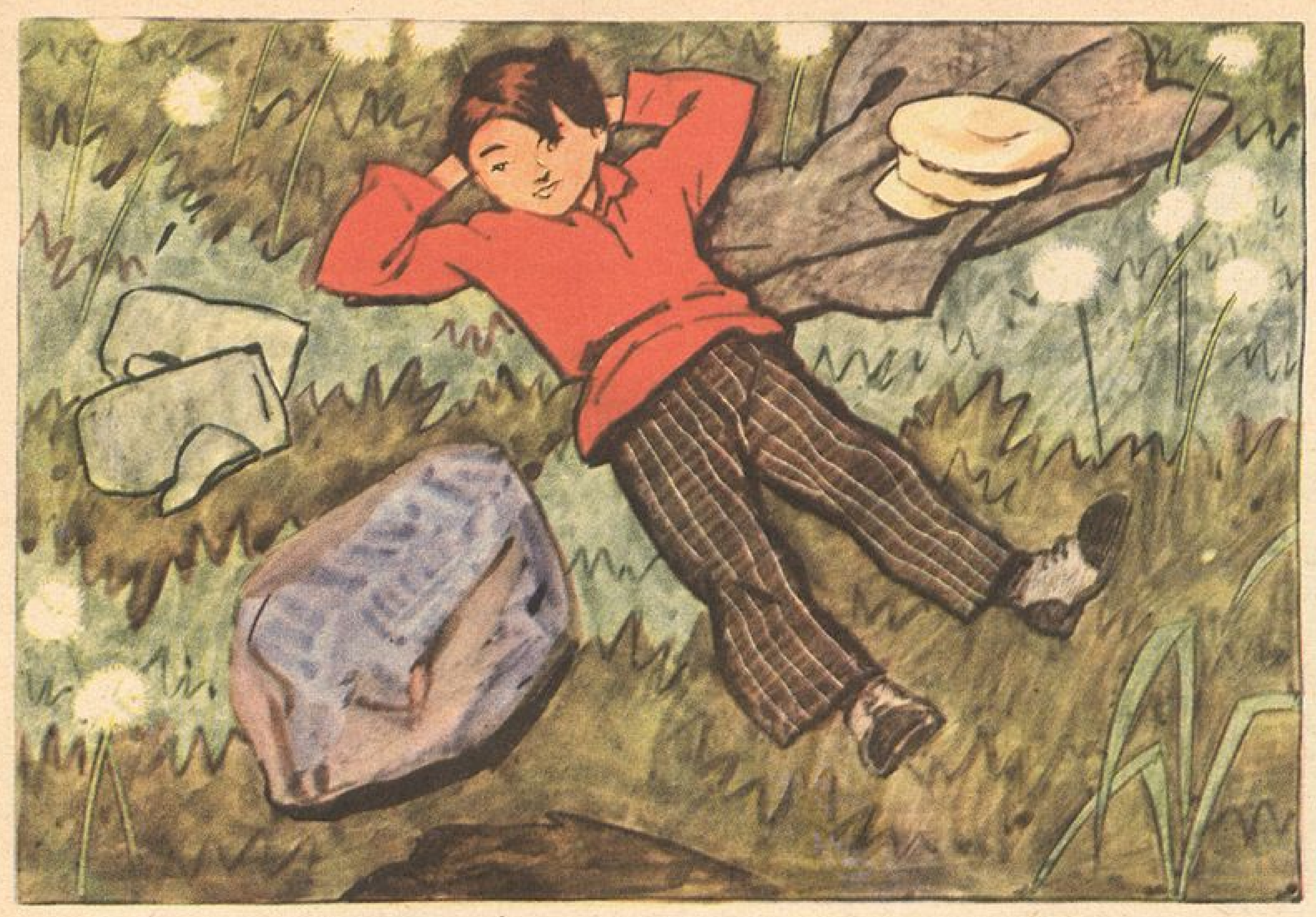
И вот он прочёл такую надпись:

КТО СНЕСЁТ ЭТОТ КАМЕНЬ НА ГОРУ
И ТАМ РАЗОБЬЁТ ЕГО НА ЧАСТИ, ТОТ
ВЕРНЁТ СВОЮ МОЛОДОСТЬ И НАЧНЁТ
ЖИТЬ СНАЧАЛА.

Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятые.

Тут Ивашка Кудряшкин огорчился. Ему было всего восемь лет — девятый. И жить начинать сначала, то есть опять на второй год оставаться в первом классе, ему не хотелось вовсе.

Вот если бы через этот камень, не уча заданных в школе уроков, можно было из первого

АРКАДИЙ ГАЙДАР

класса перескакивать сразу в третий — это другое дело!

Но всем и давно уже известно, что такого могущества даже у самых волшебных камней никогда не бывает.

4

Проходя мимо сада, опечаленный Ивашка опять увидел старика, который, кашляя, часто останавливаясь и передыхая, нёс ведро извёстки, а на плече держал палку с мочальной кистью.

Тогда Ивашка, который был по натуре мальчиком добрым, подумал: «Вот идёт человек, который очень свободно мог хлестнуть меня крапивой. Но он пожалел меня. Дай-ка теперь я его, пожалею и верну ему молодость, чтобы он не кашлял, не хромал и не дышал так тяжко».

Вот с какими хорошими мыслями подошёл к старику благородный Ивашка и прямо объяснил ему, в чём дело. Старик сурово поблагодарил Ивашку, но уйти с караула на болото отказался, потому что были ещё на свете такие люди, которые очень просто могли бы за это время колхозный сад от фруктов очистить.

И старик приказал Ивашке, чтобы тот сам выволок камень из болота в гору. А он потом придёт туда ненадолго и чем-нибудь скоренько по камню стукнет.

Очень огорчил Ивашку такой поворот дела. Но рассердить старика отказом он не решился. На следующее утро, захватив крепкий мешок и холщовые рукавицы, чтобы не обжечь о камень руки, отправился Ивашка на болото.

Измазавшись грязью и глиной, с трудом вытянул Ивашка камень из болота и, высунув язык, лёг у подножия горы на сухую траву.

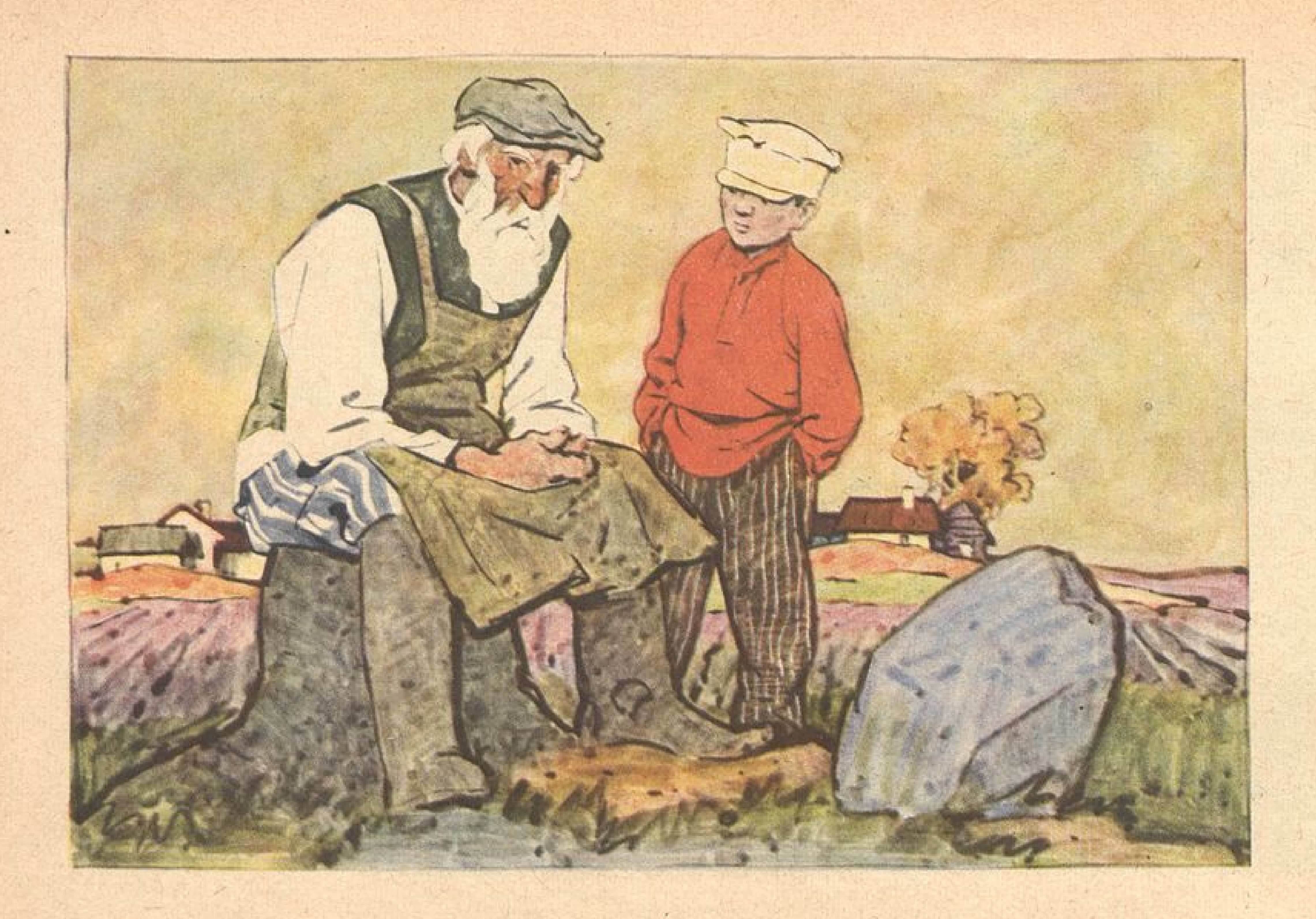
«Вот! — думал он. — Теперь вкачу я камень на гору, придёт хромой старик, разобьёт камень, помолодеет и начнёт жить сначала. Люди говорят, что хватил он немало горя. Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел. А другие люди её видели». На что он, Ивашка, молод, а и то уже три раза он такую жизнь видел. Это когда он опаздывал на урок и совсем незнакомый шофёр подвёз его на блестящей легковой машине от конюшни колхозной до самой школы. Это когда весной голыми руками он поймал в канаве большую щуку. И, наконец, когда дядя Митрофан взял его с собой в город на весёлый праздник Первое мая.

«Так пусть же и несчастный старик хорошую жизнь увидит», — великодушно решил Ивашка.

Он встал и терпеливо потянул камень в гору.

И вот перед закатом к измученному и продрогшему Ивашке, который, съёжившись, сушил грязную, промокшую одежду возле горячего камня, пришёл на гору старик.

— Что же ты, дедушка, не принёс ни молотка, ни топора, ни лома? — вскричал удивлённый Ивашка. — Или ты надеешься разбить камень рукою?

— Нет, Ивашка, — отвечал старик, — я не надеюсь разбить его рукой. Я совсем не буду разбивать камень, потому что я не хочу начинать жить сначала.

Тут старик подошёл к изумлённому Ивашке, погладил его по голове. Ивашка почувствовал, что тяжёлая ладонь старика вздрагивает.

— Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен, — говорил старик Ивашке. — А на самом деле я самый счастливый человек на свете.

Ударом бревна мне переломило ногу, но это тогда, когда мы — ещё неумело — валили заборы и строили баррикады, поднимали восстание против царя, которого ты видел только на картинке. Мне вышибли зубы, но это тогда, когда, брошенные в тюрьмы, мы дружно пели революционные песни. Шашкой в бою мне рассекли лицо, но это тогда, когда первые народные полки уже били и громили белую вражескую армию.

На соломе, в низком холодном бараке метался я в бреду, больной тифом. И грозней смерти звучали надо мной слова о том, что наша страна в кольце и вражья сила нас одолевает. Но, очнувшись вместе с первым лучом вновь сверкнувшего солнца, узнавал я, что враг опять разбит и что мы опять наступаем.

И, счастливые, с койки на койку протягивали мы друг другу костлявые руки и робко мечтали тогда о том, что пусть хоть не при нас, а после нас наша страна будет такой вот, какая она сейчас, — могучей и великой. Это ли ещё, глупый Ивашка, не счастье?! И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!

Тут старик замолчал, достал трубку и закурил.

— Да, дедушка! — тихо сказал тогда Ивашка. — Но раз так, то зачем же я старался и тащил этот камень в гору, когда он очень спокойно мог бы лежать на своём болоте?

— Пусть лежит на виду, — сказал старик, — и ты посмотришь, Ивашка, что из этого будет.

7

С тех пор прошло много лет, но камень тот так и лежит на той горе неразбитым.

И много около него народу побывало. Подойдут, посмотрят, подумают, качнут головой и идут восвояси.

Был на той горе и я однажды. Что-то у меня была неспокойна совесть, плохое настроение. «А что, — думаю, — дай-ка я по камню стукну и начну жить сначала!»

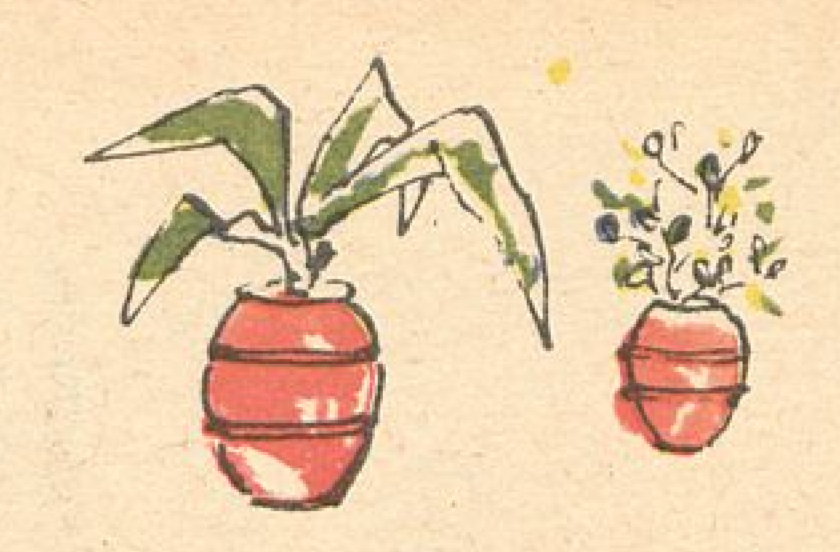
Однако постоял-постоял и вовремя одумался. «Э-э! — думаю, скажут, увидав меня помолодевшим, соседи. — Вот идёт молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет то же начинать сначала».

Скрутил я тогда табачную цигарку. Прикурил, чтобы не тратить спичек, от горячего камня. И пошёл прочь — своей дорогой.

ГОРОД В МОРЕ

(Продолжение)

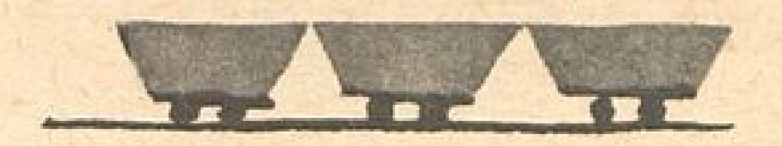

В. ГОЛЯВКИН *Рисунки автора*

Я увидел двадцать или тридцать, а может быть, пятьдесят или сто домов;

сад, который рос в бочках;

пожарную машину и пожарную вышку с пожарником;

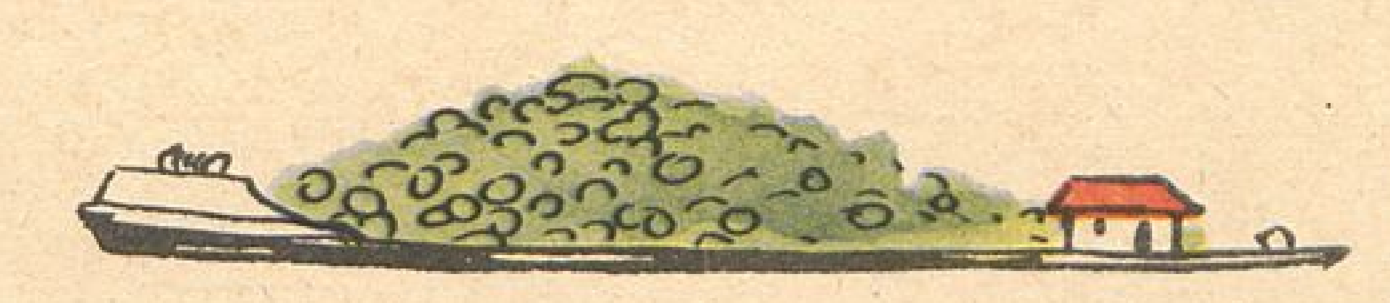

маленькие вагончики, которые ехали по рельсам;

киоски с мороженым и лимонадом;

магазин с конфетами и печеньем;

разные другие магазины;

пароходы;

лодки;

баржи;

катера;

пять барж были с арбузами и две баржи без арбузов;

я увидел кино без крыши с большим экраном, и жалко, что был не вечер и ничего не показывали;

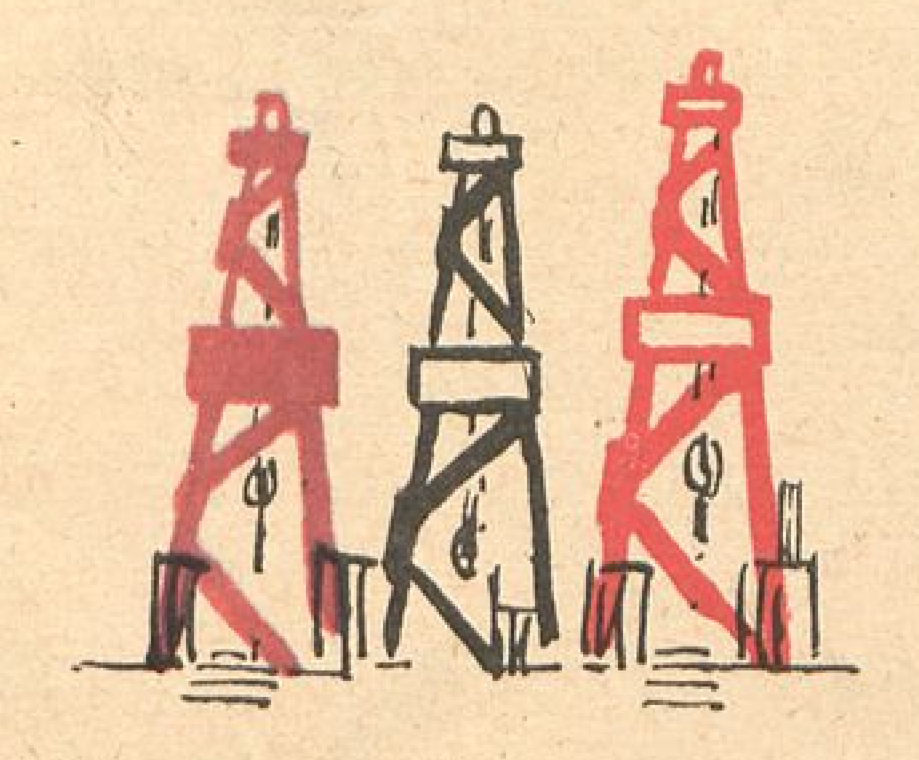
и ещё я увидел скалы — на одних люди лежали и загорали, а на других птицы сидели;

я увидел машину, которая сама вбивала в дно моря железные столбы;

я увидел заводы, которые дымили;

баки с нефтью, которые блестели на солнце, а вышек вокруг было намного больше, чем арбузов, барж, катеров и всего остального.

ЧТО Я НИКАК НЕ МОГ УВИДЕТЬ

Никак не мог я увидеть, где кончается город. Как я ни вертел головой во все стороны.

КУДА МЕНЯ ПРИВЕЗЛИ

Но вот грузовик стал медленней ехать. Свернул к вышке и остановился.

Я опять стал стучать по кабине. Боялся, дальше поедем.

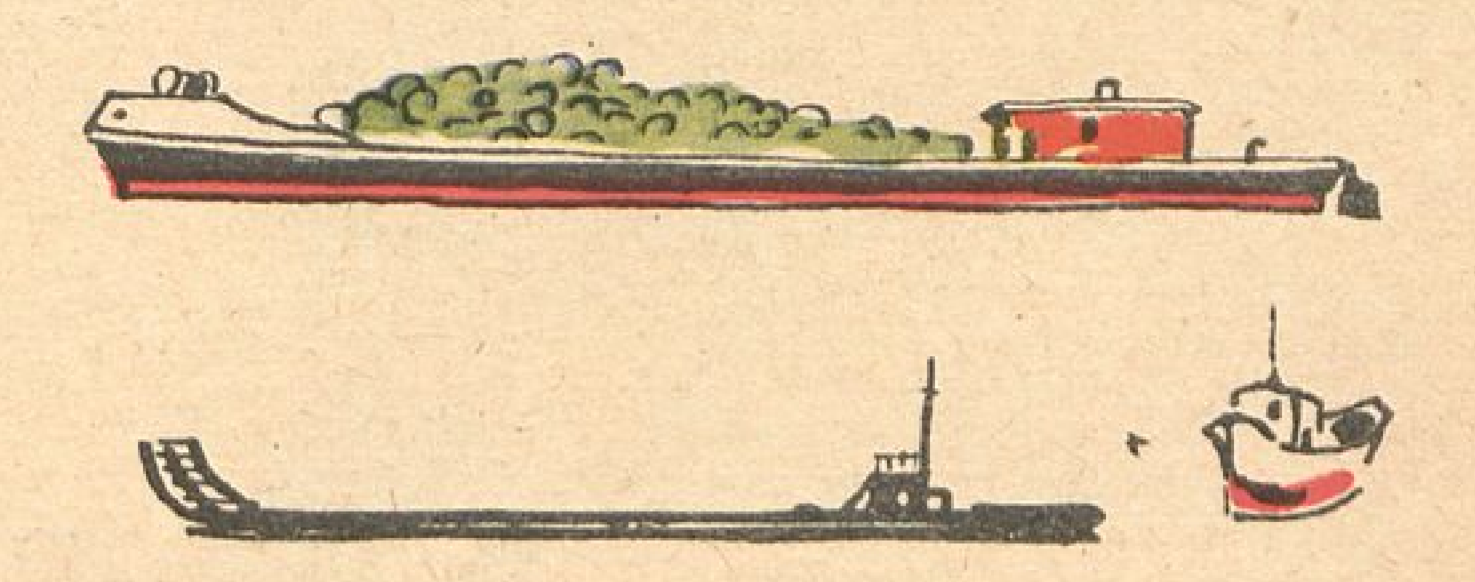
Выходит шофёр, но совсем другой, не тот, который был раньше.

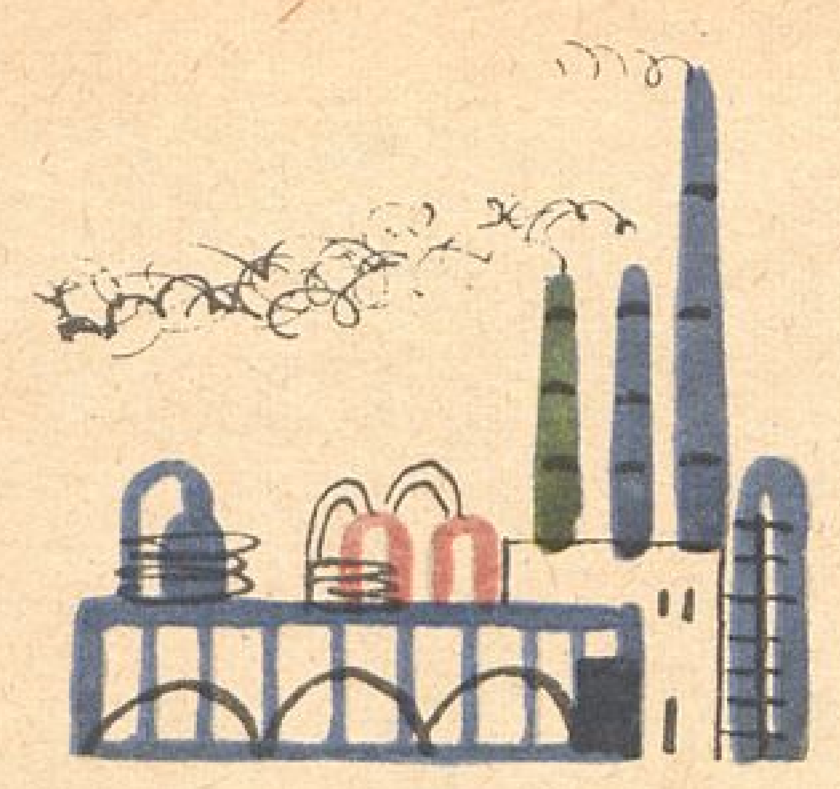
— Что за стук, — говорит он, — в чём дело?

Я вижу, это другой шофёр, понял, что это другая машина, но не понял, как всё получилось.

Шофёр говорит:

— Что за фокусы? Ты почему в моей машине?

Я отвечаю:

— Я сам не знаю. Но я почему-то в вашей машине. А почему — не знаю.

Шофёр говорит:

— Не морочь мне голову.

— Я совсем её не морочу.

— Почему же ты здесь?

— Это вы повезли меня, и я поехал.

— Куда же ты ехал?

— С дядей Агой.

Нас окружили.

— Чумазый какой!

— Откуда он?

— Чей это?

Я всё рассказал, как было.

Значит, я влез в другую машину!

Шофёр сказал:

— Ладно. Всё ясно. Управлюсь тут, и обратно двинем. А пока здесь побудь.

Кто-то сказал:

— Его же ищут! Ребёнка нужно срочно отправить.

Но шофёра уже рядом не было.

— Непонятно, — сказал один рабочий, — зачем это тащат сюда детей?

— Меня не тащили, — сказал я. — Я сам хотел.

— А ремня не хотел? Ишь ты какой! Пойдём-ка со мной, и во всём меня слушай.

ПРО ДВА МОРЯ

Мы подошли совсем близко к вышке. Я раньше издали видел вышку. А близко так никогда не видел.

Оказалось, вышка — целый завод! Столько там механизмов разных! Вокруг работа кипит, шум, грохот.

Каждый свою работу делает.

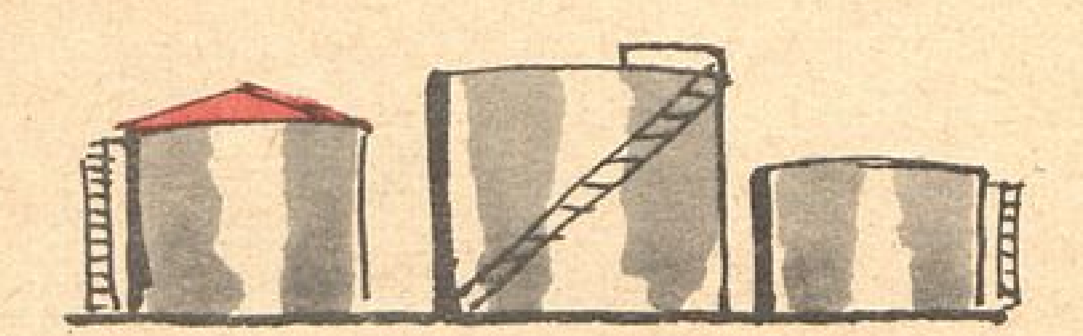
Возле вышки лежало много труб. Я спросил, для чего они.

— Они пойдут в землю. К другому морю.

— Как так к другому?

— Там, под землёй, тоже море есть.

— И пароходы и лодки?

— Нет, море там нефтяное, особое.

— Значит, здесь, под дном моря, ещё море есть? А под нефтяным морем тоже есть море? А под третьим — четвёртое?

— Может быть.

— А под пятым — шестое?

— Всё может быть. Нужно будет проверить. А пока просверлят глубоко дно моря. Дойдут трубы до нефти, и нефть вверх пойдёт. В резервуары. Потом танкер подъедет. Пароход, в котором нефть возят. Перельют нефть в танкер. А танкер нефть на завод повезёт.

— И будет, — сказал я, — кожа, капрон...
— А из капрона сосиски сделают.
— И сардельки?
— Нет, это другие сосиски. Огромные. В них нефть будут возить, как в танкерах. Как киты, будут плыть они по морю. И будет тащить их один пароходик. А люди будут говорить:
— Глядите-ка, глядите! Сосиски плывут! Какие замечательные сосиски!

ПРО УКРОТИТЕЛЯ

Мы стояли около вышки... И я всё видел: как вверх брызнул чёрный фонтан. Как всё кругом залило нефтью. Кто-то крикнул: «Возьмите мальчишку!» Кто-то меня потянул за рукав. Оттащил в сторону.

Я кричал: «Сандаль! Сандаль!» А потом успокоился.

Что же делать!

Тем более я уже рядом с шофёром. Мы мчимся обратно во весь дух.

Шофёр говорит:
— Нефтяной фонтан. Спешить надо. Вот мы и спешим.
— Куда спешим?
— За укротителем.
— А зачем?
— Вот чудак! Нефть льётся в море. А ты сандаль!
— А укротитель?
— Он знает, что сделать. С фонтаном страшно. Фонтан слов не слышит и плётки не видит. Сейчас фонтан редкость. Сейчас нефть прямо в трубы идёт. А тут не учли что-то. Вот и фонтан.
— А раньше?
— Раньше только фонтана и ждали. Ямы рыли. В них нефть собирали. И черпали оттуда нефть вёдрами. А в море вообще вышек не было.

Я думал: всё-таки я попал под фонтан! И не под какой-нибудь там фонтан в парке, а под настоящий фонтан — нефтяной. Кто в классе у нас попадал под фонтан? Никто! Даже Дятала, который жил в тундре. Даже он не попадал под фонтан!

О ТОМ, КАК НАДО ВОДИТЬ МАШИНУ

Я спросил:
— Очень трудно водить здесь машину? Дорожка ведь узкая. И кругом море.
— Смотря как водить, — сказал шофёр.
— А как надо водить?
— Умеючи.
— А ещё как?
— Больше никак.
— И это всё?
— Пожалуй, всё.

— А вы много учились?
— Порядочно.
— Сколько?
— Всю жизнь.

РАССКАЗ ШОФЁРА ПРО ВЕТЕР

— Очень у нас неспокойный ветер. Как разозлится — один не ходи. Улетишь в море вместе с карманами. Даже с машиной.
— Как это с карманами?
— Очень просто.
— А как же ходить?
— Вдвоём или втроём. Друг за друга держись. Тогда всё нипочём. Так вот, ветер такой. А потом вдруг всё тихо. Ходи себе. Песни пой. И купайся.
— А дальше?
— Дальше ветер опять. И опять берегись.
— А потом?
— Потом всё сначала.

(Продолжение следует)

На обложке рисунок И. Гринштейна: А. П. Гайдар

Редактор **А. МИТЯЕВ**

Редколлегия: **З. Александрова, А. Барто, Л. Виноградская, Л. Воронкова, А. Ермолаев, Н. Емельянова, Е. Ершова** (зам. редактора), **М. Коршунов, Ю. Коринец, С. Маршак, Ю. Нагибин, К. Орлова** (ответственный секретарь), **Е. Рачёв**

Художественный редактор **Ю. Молоканов**
Технический редактор **Л. Прозорова**

Год издания тридцать восьмой. Цена 10 коп.

Подп. к печати 8/I 1962 г. Бумага $60 \times 92^{1}/_{8}$. Печ. л. 3 (3).

Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2425.

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-30, Сущёвская, 21.
Телефон: Д 0-45-08.

Мурзилка попросил художника перерисовать картинку с жёлтой бумаги на синюю. Художник перерисовал, но сделал десять ошибок. Мурзилка сразу нашёл ошибки, а вы, ребята, их найдёте!

Рис. В. ЧИЖИКОВА